

ПРОБЛЕМА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ: КОНТУРЫ НОВОЙ МЕТОДОЛОГИИ

Д.А. Неверов*

Предложена концепция решения проблемы экономической оценки качества жизни. Особое внимание уделяется категориям «асимметрия эффективности», «разнообразию жизни», «общественный экономический излишек», «необходимый продукт общества». Обосновывается асимметричная природа эффективности. Рассматриваются слагаемые формулы общественного благосостояния, главным из которых является общественный экономический излишек, скорректированный на коэффициент асимметрии свободного и рабочего времени и индекс разнообразия необходимого и прибавочного продукта общества.

Ключевые слова: качество жизни, общественное благосостояние, асимметрия жизни, полезность, ценность, эффективность, теория цены, общественный излишек.

JEL-классификация: A12, B41, P71, Z12.

Материал поступил 10.05.2018 г.

Формальное решение проблемы

Качество выражает неотделимую от бытия объекта его сущностную определенность, благодаря которой он является именно этим, а не иным. Это понятие отражает устойчивое взаимоотношение составных элементов объекта, что дает возможность отличать его от других¹. Качество жизни населения представляет собой совокупность всех условий физического, интеллектуального, социального и духовного благополучия человека. Оно определяется не только объективными факторами, формирующими образ жизни человека (питание, жилье, образование, занятость и т. д.), но и субъективными, формирующими восприятие человеком уровня своего благополучия (Бородин, Айвазян, 2006).

«Выражаясь тезисно», под качеством жизни в самом общем виде понимается удовлетворенность материальных и духовных потребностей. По всей видимости, «удовлетворенность» подразумевает некую «глубину» измерения, а само разнообразие

потребностей – «ширину». При прочих равных, чем глубже удовлетворенность и шире спектр общественных потребностей, тем выше качество жизни. Поскольку в основе экономической оценки любого явления лежит категория предельной полезности, а духовные (этические, эстетические, интеллектуальные, экологические, культурные и т. д.) потребности в большинстве своем лишены подобного «ограничительного» принципа цены, интегральная экономическая оценка качества жизни представляется многим ученым делом безнадежным (Злобина, 2007). Например, красота окружающего мира, био-разнообразие, чистота экологического окружения не поддаются строгой экономической оценке, но без сомнения являются слагаемыми фундамента общественного благосостояния².

¹ Философский энциклопедический словарь. 1989. Москва: Советская энциклопедия. 815 с.

² Между понятиями «качество жизни» и «общественное благосостояние» принципиальной разницы, по-видимому, не существует. Подавляющее число ученых употребляют их как синонимы. Правда в специальных исследованиях делается акцент на экономический аспект и возможность именно экономической оценки общественного благосостояния, тогда как качество жизни подразумевает более широкий подход к учету всех факторов качества жизни и не настаивает на сугубо экономической форме их выражения.

* Неверов Дмитрий Александрович (neverov122008@tut.by), кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории Белорусского государственного экономического университета (г. Минск, Беларусь).

На первый взгляд может показаться парадоксом трудность экономической оценки качества жизни, когда совершенно разнокачественные вещи, в том числе и предназначенные для удовлетворения «возвышенных» потребностей, имеют всем понятную форму цены, адекватно отражающую их потребительскую стоимость. Но в том то и дело, что общественное благосостояние складывается прежде всего из качества отношений между людьми с одной стороны и между людьми и природой – с другой. И только потом «предельная полезность» вещей вносит свою лепту в общую «копилку» «богатства народов». Тем не менее неоднократно похороненная многими авторитетными экономистами идея непротиворечивой интегральной экономической оценки общественного благосостояния (качества жизни) периодически возрождается, как птица Феникс из пепла, ввиду вечной теоретической потребности человека оценивать, измерять, упрощать сущность вещей и отношений³.

Каковы основные подходы к оценке качества жизни? Их три: аксиологический, поведенческий, социально-бытовой. Шансы на фундаментальное решение проблемы имеются только у первых двух, так как последний просто не считает нужным иметь собственную методологию, что автоматически исключает его из числа претендентов.

В рамках бытового подхода каждый человек или социальная группа в основу оценки вольны произвольно положить свою иерархию ценностей. Причем совершенно не важно: осознаются ли ценности или нет. У каждого свое представление о счастье, «о вкусах не спорят», поэтому каждая позиция одинаково предпочтительна или, наоборот, одинаково безразлична по отношению ко всем остальным. Можно сказать намеренно категорично: суть социально-бытового подхода заключается в отсутствии сути. «Мещанство» – его неосознанный идеал. Главная забота такого человека быть не хуже, а по возможности лучше представителей своего ближайшего круга в плане материального достатка и престижности социального статуса.

³ The changing wealth of nation: measuring sustainable development in the new millennium. 2011. Washington DC: The World Bank.

Социологи и экономисты в рамках подобного «приземленного» подхода ощутили сузившие свои научные горизонты и претензии на отыскание истины. Описание и классификация явлений хотя и является непосредственной функцией науки, однако без обоснования самих критериев классификации и движущих сил эволюции недостаточны. Главная задача науки – объяснять и прогнозировать, а не быть простым зеркалом реальности. Описательно-классифицирующий подход всего лишь первый и самый легкий шаг к конечному объяснению. Разработка отдельных многочисленных показателей качества жизни без единой методологии их применения в общей интегральной оценке в лучшем случае уведет в сторону от окончательного решения вопроса. В худшем – усложняет и запутывает его окончательно.

К сожалению, и Лозаннская и Кембриджская экономические школы благосостояния отрицают, с различной долей убежденности, возможность построения агрегированной функции общественного благосостояния⁴. При этом они ориентируются именно на бытовой уровень восприятия действительности: у каждого человека своя правда и представление о счастье. Действительно, с этим не поспоришь. О всеобщем счастье и объективной оценке общественного блага можно забыть, если все начинается и заканчивается в одной точке – в субъективных (причем не всегда осознанных) представлениях о полезности.

Но если в основание положить не субъективные вкусы, интересы и привычки, а объективные ценности? То есть бесспорные представления о должном. Категорический императив.

Надо признать, импульс скепсиса, заданный основателями школы благосостояния, дошел до наших дней. Многочисленные саммиты, форумы, конференции под эгидой ООН, посвященные проблеме оценки качества жизни, лишь на протяжении 90-х годов демонстрировали искреннее стремление к выработке единой методологии, вершиной которой до сих пор признается индекс развития человеческого потен-

⁴ История экономических учений: учебник для вузов. 2009. Москва: ИНФРА-М. 680 с.

циала (ИРЧП, с 2013 г. – ИЧР) (Pearce, 1993). Однако уже нулевые годы смещают акцент с фундамента на фасад: с усердием, достойным лучшего применения, штампуются все новые и новые показатели качества жизни, количество различных рейтинговых оценок возросло до неимоверной величины, что при отсутствии единой базы сравнения и принципов агрегирования мало способствует прогрессу выработки единой непротиворечивой методики оценки.

Поскольку решение данной проблемы может быть только методологическим, аксиологический подход – вне конкуренции (аксиология – важная часть философии, а философия является методологической основой всех наук, как известно; по этой же причине перед социально-бытовым подходом «двери» подлинного исследования сразу же закрываются из-за игнорирования категории ценности (Лосев, 1999).

Однако «ценность» задает лишь верное направление поиска истины, «столбовая дорога» к которой еще настолько широка, что исследователь может легко пройти мимо. Необходима конкретизация, необходим вопрос о главных и второстепенных ценностях, т. е. вопрос об «иерархии ценностей». Но и этого будет мало. «Осознанные» ценности способны с ожесточением воевать между собой за всеобщее счастье, т. е. за первое место в иерархии, как раньше «этажом» ниже (на бытовом уровне) за это самое первое место боролись «бессознательные» вкусы и инстинкты. Кровавые войны человечества, увы, подтверждают это.

Спасает положение дел понятие «гармонии». Точнее принцип предустановленной гармонии, вошедший в научный обиход благодаря философии Лейбница. Весь мир, по этой философии, состоит из простых, неделимых, но определенных монада-атомов, наделенных свободной силой (философию Лейбница еще называют монадологией). Принцип предустановленной гармонии предопределяет взаимодействие конкретных монада-сил между собой. Неследование этому принципу порождает хаос или вещьественность (материальность)⁵. Камень потому и камень, что монады-силы-

атомы, его составляющие, проигнорировали когда-то «божественный» принцип любви и гармонии, за что и «наказаны» бытием неорганической материи.

Наоборот, результат согласованного взаимодействия монад (плод их совместного сотрудничества) в виде синергетического эффекта, выражаясь современным языком, принадлежит уже другому уровню или центру иерархии. На следующем уровне все повторяется. Таким образом, весь мир пронизан иерархией, основанной на гармонии (интересов). Элементарные силы совершают отчасти добровольный, отчасти предопределенный выбор в пользу единого центра, являющегося, в свою очередь, монадой более высокого уровня, также призванной к гармоничному взаимодействию с другими монадами своего круга иерархии. Так, монада человека есть его «душа-центр», которая управляет монадами более низкого «телесного» уровня. Сама душа призвана приносить плод с другими «собратьями-монадами» уже духовным центрам более высокого ранга, называемым ценностями.

Впрочем, и без всякой философии здравый смысл подсказывает, что из двух иерархий, одна из которых держится страхом, а вторая гармонией (любовью), последняя предпочтительнее, потому что долговечнее.

Подчеркнем, «гармония» не упраздняет и не заменяет собой «иерархию», а представляет собой свободное добровольное ее признание со стороны всех заинтересованных сторон (ценностей). Именно этот момент, как станет ясно ниже, отличает аксиологический подход от поведенческого.

«Методологические сваи» поведенческого подхода не менее основательны, чем у аксиологического – трудовая этика протестантизма. Но фундамент – одно, а вся конструкция – другое. В целом этика протестантизма вписывается в рамки аксиологического подхода, но имеются настолько тонкие и важные нюансы, что их игнорирование может незаметно привести к роковым ошибкам последующего экономического анализа.

Сам протестантизм отличается от других христианских концессий благодушным отношением к материальному богатству. Это наименее аскетическая направленность

⁵ Лейбниц Г.Ф. 1982. Соч. в 4 т. Т. 1. Москва: Мысль. 636 с.

жизни христианского духа, абсолютно лишённая монашества. Более того, достижение финансового благополучия рассматривается в качестве критерия добросовестности трудовой деятельности, как свидетельство хорошо исполненного долга перед Богом. По Максу Веберу, идеологу протестантской этики, критерием общественной полезности той или иной законной трудовой деятельности выступает ее доходность (Вебер, 1990). Забывается предупреждение о том, что «трудно богатому войти в Царство Небесное». И все же принцип иерархии соблюдается. «Не для утех плоти и грешных радостей, но для Бога следует трудиться и богатеть», – пишет М. Вебер.

Тем и отличается поведенческий подход от аксиологического, а также трудовой этики протестантизма, что своеобразный религиозный акцент последнего усиливается чрезмерно – до появления нового ценностного отношения к проблеме общественного благосостояния. Признается *равная* значимость духовных, социальных и материальных ценностей. Главное – трудовая активность сама по себе, а не объект ее приложения. Гармония ценностей понимается как их *равноправие*, как равенство удельных весов в общей структуре их разнообразия. Сама *иерархия* ценностей исчезает полностью. Материальное изобилие не антагонист, а, скорее, следствие высоконравственной природы человека. Нет хотя бы негласного признания приоритета духовного над материальным или социальным (а без приоритета иерархия невозможна). Нет опоры на философско-этическую традицию, пронизывающую толщу веков от Сократа и Платона до Канта и Гегеля, по которой Благо (и его атрибуты Истина, Красота, Добро) обладает высшей духовной ценностью по сравнению со всеми другими.

От равноправия ценностей идет прямая «логическая» дорога к их нивелированию и полному забвению. Когда у всех равная значимость, сама значимость исчезает.

Если позволительно будет схематично выразить различие между аксиологическим и поведенческими подходами, то прямоугольный треугольник с его неравными сторонами будет символизировать первый, а равносторонний – последний подход. Так

как асимметрия есть сущностный атрибут жизни, а симметрия – признак неорганической материи, «прямоугольный треугольник аксиологического подхода», судя по всему, больше других подходит на роль «символа правды».

Итак, ни «ценность» сама по себе, ни «иерархия ценностей» сама по себе, а только «гармония иерархии ценностей» дает аксиологическому подходу непревзойденное «тройное» преимущество перед остальными. Если вместо «ценности» в основание методологического здания положены «вкусы», «интересы», «потребности», проблема оценки качества жизни не решается. Если ценности равноправны и нет никакой иерархии, проблема опять не решается. Наконец, если ценности не равноправны, но «воюют» между собой за верховенство в этой иерархии, проблема вновь не имеет шансов быть разрешенной из-за отсутствия гармонии. Гармония же всегда и везде есть выражение единства множества или множества в единстве, достигаемого *добровольным* самоограничением, или «жертвенностью», или «долженствованием» элементов множества в пользу одного высшего центра.

Потребности управляются и удовлетворяются ценностями. Какова истинная природа взаимоотношения этих понятий? Практика употребления этих категорий сложилась таким образом, что в качестве потребностей неосознанно подразумеваются преимущественно базовые, первичные потребности, а в качестве ценностей – некие социально-этические нормы, удовлетворяющие духовным запросам человека. Исходя из такого понимания неизбежен антагонизм. На самом деле «конфликт интересов» существует не между «потребностями» и «ценностями» как таковыми, а между одним видом потребностей и ценностей с другим видом потребностей и ценностей.

Ценность – нормативна⁶. Потребность – это реакция на отсутствие данной нормативности. Потребность – это «нужда» в норме. Различная сила потребностей

⁶ По мнению неокантианцев, творчески развивших идею категорического императива своего учителя И. Канта до самостоятельной ветви философии – аксиологии, ценности первичны, априорны и принадлежат трансцендентальному миру. Доказывают они это онтологическим и гносеологическим путем. Например, Н. Гартман (2002. С. 245) по поводу онтологии ценностей пишет: «Царство ценностей вторгается в наш

есть следствие различной степени их неудовлетворенности нормой (ценностью). Чем радикальнее отклонение от нормы, тем больше потребность. Потребность имеет ценность в качестве конечной цели. Ошибочно противопоставлять потребность и ценность как разнородные явления. В рамках одного вида это взаимообусловленные понятия, обозначающие, с одной стороны, разные динамические фазы отклонения от некоего равновесного идеального состояния, с другой – само это равновесие как идеал, норму, цель, ценность. Когда потребность достигает своей цели, она из отрицательной фазы своей осознанности вступает в положительную фазу гармонического (часто бессознательного) единства-бытия с ценностью.

Физиологические потребности в питании, дыхании и т. д. ярче других демонстрируют данную схему взаимодействия потребностей и нормы (ценности). С этой точки зрения «вечный голод» социальных и духовных потребностей объясняется только одним – некогда нарушенная этическая норма поведения человека (его нравственный закон) никак не поддается окончательному восстановлению.

Нет качественного различия между потребностями и ценностями, принадлежащими одной плоскости равновесия, но сами равновесные состояния (или нормы) качественно различимы. Наверное, уместна аналогия с деревом, корни, ствол и ветви которого имеют разнонаправленные векторы развития и выполняют собственные функциональные задачи, что не мешает им составлять единое целое.

мир извне, и это можно ощутить в силе воздействия таких нравственных феноменов, как чувство ответственности или вины, причем такой силы, с которой не могут тягаться природные интересы «я» и даже интересы самосохранения. Эти этические феномены имеют бытие, но особое и отдельное от того, которое присуще действительности».

Не менее интересно и гносеологическое обоснование Баденской школы аксиологии (Виндельбанд, Риккерт). Функция суждения родственна воле и чувству. Даже чисто теоретическое познание включает оценку. Всякое убеждение, что я нечто познал, покоится на чувстве признания или отвержения чего-то. Признавать можно только то, что понимается ценностью (Риккерт, 1998).

Наконец, по мнению неокантианцев, в нашем мире существует лишь одна область, непосредственно соприкасающаяся с трансцендентальным миром ценностей – это мир культуры (Виндельбанд, 2000).

Строго говоря, «ценность» начинается там, где заканчивается необходимость. Как «полнокровная» категория «ценность» вполне проявляет себя лишь на «верхних этажах» социально-этических отношений. Ценности нет там, где нет выбора. Живому организму не приходится выбирать: дышать или не дышать, питаться или нет. Когда жизнь под угрозой, надо ее спасать. Здесь действие продиктовано необходимостью. Подобные действия априори лишены этической оценки, они вне суда. Ценность на уровне удовлетворения базовых потребностей скорее проявляет себя как *значимость* факторов жизни, но не их выбор. На «пьедестале» физиологической ценности уместнее говорить скорее о простой значимости жизни как таковой, но не о Ценности с большой буквы. Не может быть нравственной ответственности без свободы выбора, а все «социальное» и «духовное» предполагает такую ответственность, отблеск которой можно заметить и на «нижних этажах» первичных материальных потребностей⁷.

Само понятие экономического излишка предполагает необходимость как основу для своего альтернативного определения. Ибо «необходимое» потому и считается необходимым, что в нем нет ничего лишнего, никаких излишков. Поэтому прибыль, или прибавочный продукт, или экономический излишек являются неизбежным атрибутом экономической ценности как свидетельство преодоления оков необходимости и прорыва к новому (этическому) качеству бытия.

Экономический излишек в форме альтернативной ценности (а где альтернатива – там и разнообразие) ограничивает собой однообразный монолит необходимости. Но сама по себе экономическая ценность в своем развитии не терпит никаких ограничений: вечный рост ВВП – ее неосознанный идеал. Лишь ценности более высокого порядка способны ограничить амбиции экономической ценности и придать ее стремлению к бесконечности сба-

⁷ Могла бы жизнь существовать без ценностей? Пример амебы показывает, что вполне. Но смысл жизни в совершенной жизни. Иначе та же амеба служила доказательством отсутствия эволюции или такой эволюции, начало и конец которой не очень отличаются друг от друга.

лансированный коэволюционный характер. Насколько сильны позиции этической ценности в иерархии других ценностей на текущий момент истории – об этом может косвенно свидетельствовать удельный вес инвестиций в социокультурное развитие нации.

Таким образом, два момента принципиально отличают качество «ценности» от качества «значимости». Первый – наличие альтернативы (возможность выбора); второй – сам выбор на основе свободного признания приоритета этики в иерархии ценностей. Эти два момента и придают жизни цель и смысл, возвышая ее над существованием амёбы.

Итак, над экономическими потребностями возвышаются экономические ценности; над социальными – социальные; над духовными – духовные. Если наложить триединство аксиологического подхода (о гармонии иерархии ценностей) на трехуровневую (материально-социально-духовную) классификацию потребностей, получим формальное решение относительно всеобщего критерия оценки качества жизни. Можно спорить об истинной значимости тех или иных потребностей, особенно на различных этапах истории, но вряд ли стоит спорить с общеизвестным положением о мере как критерии истины. Это значит, что должна быть строго определенная граница между тремя видами потребностей в общей их структуре, которая соответствует «высшему балу» (предполагается, что таковой имеется) качества жизни. Пусть это чересчур общее и формальное решение, но все же решение. Это та истинная логическая форма, которая со временем имеет шансы быть заполненной соответствующим содержанием. Максимальное качество жизни достигается не бесконечным ростом разнообразия экономических ценностей и потребностей, а строго определенным иерархическим соотношением материального, социального и культурного пластов общественного бытия или телесного, душевного и духовного в человеке.

Иерархия ценностей *на практике* обнаруживается иерархией потребностей, точнее, приоритетом их удовлетворения. Духовному, социальному и материальному

должны быть приписаны свои «катеты» и «гипотенуза» прямоугольного треугольника, символизирующего истину и гармонию аксиологического подхода.

Проще говоря, нужно ответить всего на два вопроса: какие потребности при любых обстоятельствах наиболее важные, а какие наименее? Остаток занимает промежуточное значение. Эту «дифференциацию» значимости на первых порах для простоты анализа можно будет обозначить цифрами 1, 2, 3⁸.

Когда каждому виду потребностей будет *обоснованно* приписан свой ранг значимости, формальное (теоретическое) решение перейдет в практическую плоскость. Возможно, такому обоснованию требуются весомые аргументы философско-этического характера и специальное исследование. Но чтобы не терять времени и не рассеивать внимание, остановимся на самом простом и очевидном.

Откровенно говоря, для ранжирования потребностей достаточно ответить на один, а не два вопроса о значимости сугубо духовных потребностей. Физиологические потребности присущи всему живому. Духовные возвышают человека над всем миром. Уберите духовный (нравственный) аспект – и человек потеряет свое царственное положение, скатившись в объятия животного мира. Материальные потребности важны для жизни, духовные – для *совершенной* жизни. Так как человек является самым совершенным существом, для него принципиальным является сохранение и умножение своего нравственного совершенства. В противном случае он рискует получить в удел простую физиологическую жизнь наравне с животными и растениями. Ни много, ни мало, но борьба идет именно за это – за границы сопредельных территорий трех видов потребностей, за «удельные веса» материального, социального и

⁸ Для более строгого математического анализа, поскольку сумма единицы и двойки дает паритет тройке, что нарушает иерархию, целесообразно воспользоваться Пифагоровым способом образования прямоугольных треугольников, в котором строгая определенность самого меньшего катета в виде некоего нечетного числа задает такую же определенность и двум другим сторонам. (Напомним, если n – нечетное число, выражающее наименьший катет, то $(n^2 - 1)/2$ – большой катет; $(n^2 + 1)/2$ – гипотенуза.)

духовного в структуре общественного продукта.

Нормативное решение проблемы

Что такое «экономическая ценность»? Со времен А. Маршалла под этим понимаются так называемые «общие выгоды торговли» или сумма излишков потребителей и производителей (площадь под кривыми спроса и предложения). Любая ценность, в том числе и экономическая, предполагает максимальную жертвенность ради своего достижения.

Но как это преломляется в реальности? Весьма необычным образом. Например, можно представить, как богатый человек умирает от жажды в знойной пустыне и методично, шаг за шагом, расстаётся со своим богатством, покупая каждый глоток воды у некоего лишенного сострадания водного монополиста, удачно оказавшегося в нужном месте в нужный час. Для повышения точности измерения ценности воды требуется продавать-покупать не «глотки», а «капли». Тогда сумма максимальных цен, заплаченных несчастным человеком за каждую каплю, лишит его какого-либо потребительского излишка, общая площадь которого и будет представлять «экономическую ценность» воды в данной ситуации. Такой далекий от реальности пример тем не менее лежит в основании маржиналистского подхода, уже почти полвека безусловно господствующего в мировой экономической науке.

Более того, подобные фантастические примеры «экономической истины» являются фундаментом для решения практических задач налоговой политики, в частности, по планированию налогового бремени (особенно избыточного налогового бремени) от повышения ставок, например, косвенных налогов. Каждая точка кривой спроса или предложения есть та «сюрреалистическая» максимальная или минимальная цена, непосредственно связанная с экономической ценностью покупателя и производителя. Поэтому хотя бы приблизительные оценки эластичности данных кривых имеют огромное практическое значение для любого вида экономической политики.

Итак, «фантастичность», нереальность истины есть на самом деле ее «нормативность».

Ориентируясь на благоприятный пример с «экономической ценностью», нельзя ли предположить нечто подобное и относительно «качества жизни»? Имеет ли наша наука пусть и «сюрреалистическое», но «нормативное» отражение понятия «качества жизни» подобно максимально-минимальным ценам и излишкам потребителей и производителей, никогда в действительности не встречающимся, но тем не менее существующим в форме идеальной «экономической ценности»? Нет, не имеет. Попробуем восполнить пробел.

Грамотно поставленный вопрос, как известно, наполовину решает проблему.

При каких *идеальных* условиях качество жизни может получить адекватную экономическую оценку? Или: при каких идеальных условиях проблема экономической оценки качества жизни теряет свою актуальность и просто исчезает? При этом, как и в случае с «экономической ценностью», нас не должна смущать оторванность от действительности этих идеальных условий окончательного решения. Ибо в случае правильного ответа можно следовать от него в обратном направлении, выбирая и устраняя препятствия по мере приближения к реальности.

Общий ответ следующий: если общество единодушно относительно значимости ранга каждой из трех (материально-социально-духовных) потребностей на том или ином отрезке своей истории. То есть если каждый член общества имеет одинаковый взгляд на иерархию ценностей и при этом подтверждает это на практике делом – готовностью платить. Тогда экономическая оценка качества жизни будет представлять собой примерно то же самое, что и *средневзвешенная оценка доходности* финансового портфеля, состоящего в нашем случае из трех активов (трех основных видов потребностей).

Но как быть с духовными потребностями, внешними эффектами, общественными товарами, природа которых отторгает экономическую оценку? Пусть общество, проникшись идеями Платонова «Государ-

ства», признает верховенство духовных ценностей и готово за это заплатить более высокую цену, чем за все остальное. Как оно без экономической цены докажет свою иерархию потребностей и ценностей, свой главный приоритет, свой главный общественный выбор?

Только одним способом – временем. Деньги и цены прекрасно измеряют экономическую ценность, если «имеются под рукой». В условиях натурального хозяйства, в условиях излюбленной экономистами «робинзоиады», в условиях первобытнообщинного строя и коммунизма, короче, *когда нет товара и рынка, мерилом ценности экономических отношений выступает время*. Значимость потребностей демонстрируется количеством времени и деятельности (не только труда), затраченных на их удовлетворение. Поэтому *структура распределения общественного времени во все времена имеет непреходящую ценностную окраску*. Достаточно духовным потребностям приписать золотой статус (пусть будет цифра 3), социальным – серебряный (2) и материальным – бронзовый (1), чтобы умножением количества времени, затраченного на удовлетворение каждого вида потребности на его соответствующий статус, получить средневзвешенную оценку качества жизни на все времена и для всех народов.

Дело за малым – обозначить границы разнокачественных активов (основных видов потребностей). Как это сделать? С помощью остаточного принципа. Достаточно провести две линии размежевания, чтобы получить триединство «полюсов» и «буфера» между ними. То есть необходимо вычленив продукт, удовлетворяющий, с одной стороны, физиологические потребности, а с противоположной – духовно-культурные. Тогда в «середине» останется продукт, удовлетворяющий социальные потребности.

Правомерен вопрос: разве «социальное» не является «духовным»? Является, если пронизано этическим принципом. И не является, если вместо этического норматива действует экономический. Поэтому более корректно проводить разграничение не между «социальным» и «духовным», а между «социально-духовным» и «социально-экономическим». «Духовное» всегда «со-

циально», ибо имеет в виду благо другого и социума в целом, тогда как «социальное» не всегда «духовно».

Итак, первый вычет – «физиологический». В рамках нормативного экономического анализа давно выработаны научно обоснованные показатели уровня жизни, выполняющие роль социальных стандартов качества жизни. Это прожиточный минимум (или бюджет прожиточного минимума (БПМ)), минимальный потребительский набор (или минимальный потребительский бюджет (МПБ)), минимальная зарплата, рациональный набор.

При определении экономического излишка общества представляется оправданным за основу вычета брать самый первый показатель – БМП, который гарантирует лишь сохранение жизни человека, удовлетворение его физиологического минимума. Это, во-первых, позволит обеспечить по возможности максимально корректный *межстрановый* анализ качества жизни. Во-вторых, обеспечит по возможности максимально корректный *исторический* анализ качества жизни.

Чем ближе БПМ к физиологическому минимуму, тем более он объективен, потому что имеет научное обоснование. Тем меньше шансов у критиков «зацепиться» за субъективность человеческого представления о том, что именно считать необходимым продуктом для каждого народа и каждой эпохи и тем самым подвергнуть сомнению правомерность межстранового и исторического сравнения экономического общественного излишка и других слагаемых оценки, полученных на его основе.

Наоборот, чем дальше мы удаляемся от этого физиологического минимума, тем больше появляется вопросов о степени необходимости товаров и услуг, «возвышающихся» над чертой бедности. Когда «вычитатель» един для всех государств и времен, тогда и результат данного арифметического действия относительно сопоставим.

Наконец, третья причина – методология трудовой теории стоимости. Речь идет о «железном законе заработной платы» Т. Мальтуса, которую разделяли Д. Рикардо и К. Маркс, а также доктрине «рабочего фонда» Дж.С. Милля. Классики политэкономии считали *неизбежным* формирование заработ-

ной платы наемного рабочего на уровне выживаемости его и членов его семьи. К. Маркс построил на этой доктрине, вполне естественной для того этапа развития капитализма, всю свою теорию эксплуатации. Время, конечно, внесло свои коррективы. Уже Дж. С. Милль в конце своей жизни официально признал возможность превышения заработной платы и даже минимальной заработной платы «физиологического минимума»⁹. Тем не менее то продолжительное время, в течение которого данные доктрина и закон господствовали в экономической науке, говорит само за себя. Очевидно, прожиточный минимум – некое неизменное ядро любой заработной платы в любой стране.

Образно говоря, прожиточный минимум – это тот фундамент, над которым возвышается экономический излишек. Высота этого здания неизмеримо возросла за последнее столетие, тогда как основание относительно неизменно. Поэтому представляется целесообразным при проведении конкретных расчетов прибегнуть к логарифмированию, чтобы до некоторой степени сгладить масштабы данной асимметрии «фундамента» и «фасада» и получить тем самым сопоставимые однопорядковые величины.

Остается провести еще одну границу – определить удельный вес деятельности «высшей пробы» – духовно-этической. Поскольку сверхточного прибора по учету такой деятельности, увы, не существует, в качестве источника информации можно использовать расходную часть государственного бюджета, а именно те статьи расходов, в которых этический аспект если и не преобладает, то во всяком случае достойно представлен – это социальная политика, искусство, культура, образование, здравоохранение, физкультура и спорт. Удельный вес этих статей проводит, повторимся, новую линию размежевания в экономическом излишке общества.

Асимметрия эффективности и экономическое развитие

Категории «овеществленного» и «живого труда» трудовой теории стоимости, а также «постоянного» и «переменного ка-

питала» в марксистской интерпретации как нельзя лучше подходят для демонстрации историко-экономической тенденции вытеснения одного вида труда другим (Маркс, 1970).

Нет другого пути повышения экономической эффективности в долгосрочной перспективе кроме как пути вытеснения живого труда овеществленным. Обратным выражением роста производительности труда, как известно, является снижение трудоемкости. С течением времени все меньшее количество живого труда и времени требуется для производства единицы продукта. Живой труд уступает свое место труду овеществленному, в этом, по-видимому, состоит суть экономического прогресса. Любая отрасль стремится к максимальной эффективности, или что то же самое – к минимальному удельному весу живого труда в стоимости и себестоимости единицы произведенной ценности. И как бы не расширялось или не умирало с течением времени содержание понятий «необходимости» и «необходимого продукта общества», всеобщая экономическая закономерность будет сводить себестоимость этой необходимости к минимуму за счет снижения трудоемкости производства.

Снижение себестоимости моментально компенсируется прибылью. Себестоимость и прибыль изменяются в противоположных направлениях за счет друг друга. Насколько возрастает числитель формулы эффективности, настолько уменьшается знаменатель. Соотношение главных слагаемых цены асимметрично. Асимметричная природа взаимодействия себестоимости и прибыли черпает свое объяснение из более ранней природы асимметричного взаимодействия живого и овеществленного труда в создаваемой стоимости. Насколько снижается удельный вес живого труда, настолько возрастает удельный вес всех остальных «овеществленных» издержек себестоимости. А освободившийся живой труд и экономленное время производства идут со временем на создание совершенно новой потребительной стоимости. Таким образом, *внешняя* оболочка структуры цены в виде асимметрии необходимого и прибавочного труда объясняется *внутренней* асимметри-

⁹ Ядгаров Я.С. 1996. История экономических учений: учебник. Москва: Экономика. 251 с.

ей овеществленного и живого труда. Налицо двойная асимметрия любой цены.

Чем меньше времени потрачено живым трудом «на свое пребывание» в стоимости необходимого продукта общества, тем больше времени и самого труда остается для всей остальной деятельности, очевидно, уже не столь необходимой, как та первоначальная, которая подверглась вытеснению. Издержки для удовлетворения базовых потребностей задают границу излишка, границу прибавочной стоимости (ценности). Вероятно, на самых первых этапах человеческой истории валовой продукт общества полностью состоял из необходимого продукта, едва удовлетворявшего самые базовые потребности. Но по мере появления экономических излишков натуральное хозяйство постепенно заменяется рыночным, что не может не сопровождаться качественными изменениями в структуре потребностей и валового продукта. Самое необходимое и насущное потеснилось перед добавленной стоимостью товаров менее необходимых и насущных. «Необходимость» как борьба за жизнь медленно, но неумолимо «разбавлялась» ценностью товаров, *улучшающих* эту жизнь.

Социально-экономический прогресс одновременно проявляется в единстве трех моментов. Во-первых, в росте асимметрии живого и овеществленного труда внутри себестоимости любого продукта за счет снижения его трудоемкости. Во-вторых, в росте асимметрии необходимого и прибавочного труда внутри любой цены за счет снижения удельного веса себестоимости. В-третьих, в количественном и качественном росте национального продукта, или, что то же, в структурном разнообразии необходимого и прибавочного продуктов общества.

Два полюса асимметрии цены – ключевой момент. Цена – это форма выражения процессов более глубинных, происходящих на ценностно-иерархическом уровне сознания¹⁰.

¹⁰ В любой оценке (не только экономической) имеется подобное «двойное дно». Оценивается сначала база, потом совершенство. Сначала – насколько прочен дом, потом – различные дополнительные опции. Сначала – каркас, потом – красота. Сначала – базовые навыки, потом – искусство и профессионализм (кстати, хороший пример – те спортивные состязания, где ставится двухуровневая оценка – за технику исполнения и за артистизм). Но и в самой базе, как и в совершенстве,

Учет двойной асимметрии оценки (в том числе и экономической) решает проблему ее объективности. Между противоположными полюсами асимметрии всегда имеется нейтральное звено, относительно лояльное к своим соседям по обе стороны. Эта нейтральная зона в случае альянса как с одной, так и с противоположной стороной дает конечную определенность оценке (уместно вспомнить теорему о медианном избирателе в теории общественного выбора).

Между двумя крайностями, подчеркнем еще раз, всегда должен быть буфер (о принципе «троичности», лежащем в основании мира, можно привести обширный список литературы¹¹). И если у каждой противоположности имеются свои определенные цели и принципы существования, то у буфера нет подобного, а есть двусмысленность и попытка «служить двум господам». Но своим выбором и альянсом (даже потенциальным) «середина» решает исход дела. Подобное преодоление двойственности буфера выкристаллизовывает четкие границы у двух центров асимметрии, что на поверхности явлений выступает в виде конкретной качественности явления. Поэтому так важно учитывать двойную асимметричность, являющуюся, по всей видимости, конкретизацией диалектического закона единства и борьбы противоположностей. Но как это сделать на практике?

Прежде всего необходимо хорошо представлять себе асимметричную природу эффективности¹². Воспользуемся простой моделью. Цена равна 100 единицам (или 100%); себестоимость и прибыль взаимно изменяются за счет друг друга внутри границы цены. Исходное равновесие находится в точке, где цена равна себестоимости: 100/100. Возможный ряд исчисления эффективности выглядит как 1/99, 2/98, 3/97... 97/3, 98/2, 99/1 (в числителе – прибыль; в знаменателе – издержки).

шенстве, существует множество тонов и полутонов. Дом может быть недостаточно прочным, но обладать роскошными деталями интерьера; человек может не иметь каких-то элементарных знаний, но при этом излучать подлинную креативность и готовность к самосовершенству и т. д.

¹¹ Русские философы: антология. 1993. Вып. 1. Москва: Книжная палата. 368 с.

¹² Неверов Д.А. 2017. Законы экономической эффективности и асимметрия жизни. *Труды БГТУ. Серия экономика и управление*. № 1(196). С. 51–56.

Динамика результатов дробей изменяется нелинейно. Каждая следующая ступенька рентабельности отстоит от предыдущей на все более удаленном расстоянии. Подниматься по этой лестнице становится все труднее и труднее, каждый новый шаг увеличивает разрыв в эффективности все больше и больше. Поэтому ошибочно полагать, что преимущество 10%-ной рентабельности над 0-й, аналогично преимуществу 20%-ной над 10%-ной, или 30%-ной над 20%-ной. Асимметричная природа эффективности объясняется двойным преимуществом в увеличении прибыли и одновременном снижении издержек. Кто-то достигает своей «цели цены» в 100 денежных (или натуральных) единиц затрачивая 75 денежных (или натуральных) единиц издержек, а кто-то – 74 ед. (минимально возможный шаг изменений – 1 денежная (или натуральная) единица). Последний имеет двойное преимущество и в издержках на одну единицу, и в прибыли на одну единицу (26 против 25). При том, что он меньше тратится, он больше получает. Если бы он тратился меньше и получал столько же, тогда асимметрии не было бы (но он все равно имел бы преимущество). Очевидно, кто достигает цены, скажем, с 70 ед. издержек, в еще большей степени увеличивает свой «асимметричный» отрыв в эффективности от конкурентов.

Поскольку числитель изменяется одновременно в противоположном направлении, относительно знаменателя, причем за счет последнего, результаты отношений дробей не могут не располагаться относительно друг друга на все возрастающем расстоянии. Например, отношение $1/99 = 0,0101$, $2/98 = 0,0204$, $3/97 = 0,0309$, $4/96 = 0,0416$. Разница возрастает: $0,0204 - 0,0101 = 0,0103$; $0,0309 - 0,0204 = 0,0105$; $0,0416 - 0,0309 = 0,0107$ и т. д. Сначала эта разница выглядит довольно равномерно возрастающей, но после $5/95$ скорость прироста становится все более и более ощутимой, а значит, асимметричность эффективности нарастает.

Другими словами, если выразить результаты дробей обычным рядом из целых чисел, то «тройка» будет располагаться от «двойки» на большем расстоянии, чем «двойка» от «единицы», еще больше воз-

растет расстояние «четверки» от «тройки» и т. д. Каждый следующий процент рентабельности увеличивает данный отрезок. И можно точно сказать, насколько именно¹³.

Если возможно подсчитать, насколько «соседи-дроби» отстают друг от друга, то возможно выявить преимущества в нелинейной эффективности между любыми предприятиями, а также преимущество над тем «предельным» предприятием, которое работает в наихудших условиях, почти не имея прибыли (в нашем случае – $1/99$). Сравнение значения любой дроби из ряда с наихудшим значением будет давать коэффициент, учитывающий двойное асимметричное преимущество в эффективности¹⁴.

Можно спросить, чем эта модель лучше традиционной, когда рентабельность соотносится со 100 денежными единицами издержек? Тем, что традиционная никак не соприкасается с вопросом о природе эффективности. Ее преимущество просто в лучшей наглядности. Увеличение реальной прибыли и эффективности в *долгосрочном* плане есть следствие снижения всех издержек за счет снижения трудоемкости. Другого пути нет. Если же издержки не изменяются, а прибыль растет (скажем, раньше 100 ед. капита-

¹³ Ведь любое экспоненциальное изменение поддается линейному масштабированию и выражению хотя бы с помощью тех же производных. Рядом с «нелинейной лестницей» рентабельности достаточно поставить «линейку» показателей рентабельности, в которых все соотносится со 100 единицами аванса, чтобы отражение эффективности затмило суть эффективности.

¹⁴ Сравнение земельных участков по плодородию в свое время дало возможность Д. Рикардо построить свою теорию дифференциальной ренты, послужившей, как известно, основой методологии всего маржинального подхода. Земельный участок с наименьшим уровнем плодородия называется «замыкающим», он дает точку отсчета для исчисления ренты. В нашем случае «замыкающее предприятие $1/99$ » является отправной точкой для исчисления двойного преимущества в эффективности относительно всех остальных. Например, кто реализует продукт ценой в 100 ед. с себестоимостью 90 ед., имеет двойное преимущество перед «наихудшим предприятием $1/99$ » и в прибыли в 9 ед., и в издержках в 9 ед., что позволяет иметь ему и «третье» преимущество в виде так называемого эффекта финансового рычага, если его издержки финансируются заемным капиталом (при прочих равных). Значение дроби $1/99 = 0,0101$; значение дроби $10/90 = 0,1111$. Отношение этих значений и дает коэффициент, учитывающий нелинейную природу эффективности. Поэтому прибыль, например в 500 ед., полученная при 20%-ной рентабельности, имеет дополнительный бонус перед той же прибылью в 500 ед., но полученной при 15%-ной рентабельности, который не исчерпывается наглядной разницей в 5% рентабельности.

ла приносило 20 ед. прибыли, а теперь 25 ед.), то речь, скорее всего, идет о *краткосрочной* конъюнктуре и ренте, а не о прибыли. Увеличение реальной прибыли с точки зрения фундаментальных законов синергии есть следствие изменения способа производства, суть которого в том, чтобы старой цели достигать более коротким путем, меньшим объемом издержек. Насколько сокращаются затраты, настолько возрастает прибыль. Исходная точка – равенство (равновесие) себестоимости и цены. Если никаких изменений со стороны человека не происходит – его издержки и способ производства неизменны – знаменатель также неизменен. Прибыль в этих условиях – подарок фортуны. И это уже не прибыль, а рента, так же легко исчезающая, как и появляющаяся. Только целеустремленная воля может сдвинуть значение знаменателя вниз, чтобы в образовавшейся «пустоте» себестоимости тотчас появилась прибыль, приоткрывая завесу над истинной природой эффективности.

Природа прибыли имеет свои законы возникновения, которые не имеют никакого отношения к удобному, наглядному, общепринятому и общепонятному способу *отражения* прибыли в показателях доходности и рентабельности.

В конечном счете, асимметрия экономической эффективности есть следствие фундаментальной асимметрии жизни. Жизнь сводится к удовлетворению потребностей. Если принять норму удовлетворения какой-либо базовой потребности за 100% (или 100 ед.), то равновесное состояние между потребностью и внешней средой выразится соотношением 100/100. Прием минимальный шаг изменения взаимоотношения между организмом и окружающей средой за 1 ед. Тогда самое первое нарушение равновесия, самое первое чувство неудовлетворенности потребностей можно выразить дробью 1/99. Чувство дискомфорта в следующий момент изменения обстановки на 1 ед. будет нарастать, причем нарастать нелинейно, так как будет соответствовать дроби 2/98. Если окружающая обстановка ухудшится еще на 1 ед., то чувство неудовлетворенности опять непропорционально возрастет, так как дробь станет 3/97. С одной стороны, в числителе ра-

стет количество необходимых для полного удовлетворения единиц блага, с другой – в знаменателе уменьшается количество элементов, соответствующих норме. Уменьшению «дружелюбной» и «комфортной» обстановки в знаменателе (от 99 и ниже) противостоит нарастание «недружелюбной» и «некомфортной» внешней среды (от 1 и выше). Вот почему жизнь проявляет себя не асимметричным образом.

Итак, чем выше процент рентабельности, тем выше его преимущество перед предыдущими «соседями». Хотя визуально и логически ум воспринимает «отрезки» 10%-ной рентабельности, 20-, 30-, 40%-ной и т. д. как равноудаленные друг от друга¹⁵.

Двойное дно экономической эффективности особенно наглядно проявляется в примерах, в которых себестоимость равна цене и при этом происходит снижение трудоемкости, т. е. сэкономленное время и труд не находят по каким-то причинам экономического воплощения, но не перестают от этого быть желанным благом, так как увеличивают свободное время. Причем асимметричная природа эффективности никуда не исчезает: насколько сократилась трудоемкость, настолько выросло время отдыха. Таким образом, *даже без прибыли* «центр» асимметричного преимущества присутствует в виде снижающейся трудоемкости. Вместе с прибылью появляется другой центр асимметрии, когда «области» прибавочного и необходимого труда изменяются за счет друг друга. И чем больше удельный вес прибыли в цене, тем больше оснований «умножить» ее на корректирующий коэффициент «второй» экономической асимметрии.

Действительно, сэкономленное время и труд очень часто в краткосрочном периоде ведут к безработице (в условиях рын-

¹⁵ Любое число можно представить в виде бесконечного множества разности других чисел. Так и с прибылью. Если она константа, то теоретически можно подобрать великое множество примеров разной ее рентабельности (например, 50 ед. прибыли есть результат разности 1050 и 1000, или 70 и 20). Только не стоит забывать об экспоненциальной закономерности этой рентабельности. Каждому случаю будут соответствовать свои дополнительные бонусы, непропорционально возрастающие или убывающие в зависимости от направления динамики рентабельности. Общее правило таково: чем выше рентабельность, тем большая экономия со стороны издержек, а значит и времени, в течение которого эти издержки осуществляются.

ка). Лишь в среднесрочной и долгосрочной перспективе та постепенно растворяется в новой структуре общественного разделения труда. Снижение трудоемкости есть *условие*, но не *гарантия* получения прибыли, условие роста производственного потенциала, но не его реализации. Тем не менее даже без формального признака всякой эффективности – «прибыли», более тонкий анализ позволяет говорить о двойном преимуществе экономической эффективности благодаря экономии живого труда и «живого» времени.

Итак, о многом может сказать не только традиционное противостояние себестоимости и прибыли, но и удельный вес живого труда в самой стоимости – своеобразное ее ядро, связывающее воедино все другие виды издержек.

С точки зрения отдельного собственника средств производства оплата живого труда ничем не лучше и не хуже других видов издержек. Для него имеют значение не отдельные виды издержек сами по себе, а такие их сочетания, которые способствуют снижению «общего» удельного веса себестоимости по сравнению с прибылью.

Однако с высоты общества ситуация выглядит совсем по-другому. У базовых необходимых потребностей должен иметься продукт по их удовлетворению. У продукта имеется стоимость, себестоимость и трудоемкость производства («ядро» себестоимости). Как человек, ранее весь день тративший на борьбу за существование, в результате улыбки фортуны значительно повысившей его производительность, приобрел некое свободное пространство для других занятий, так и общество, достигнув успехов в эффективном удовлетворении первичных потребностей, приобретает время для более свободной деятельности. Будет ли эта появившаяся новая зона использована для медитации или зарабатывания денег – вопрос другой. Главное, что она есть. И этот факт сам по себе является определяющим моментом любого качества жизни. Без него невозможно само изменение качества жизни. Но он есть не что иное, как то или иное содержание качества. Он есть необходимая форма для качества, ждущая своего заполнения.

Даже если освободившееся пространство не будет заполнено экономическим временем производства какого-то блага, остается нечто, чего не было раньше. Это «нечто» можно расценивать как *возросший потенциал общественной свободы и выбора*.

Как будут использованы новые возможности и будут ли использованы вообще – этот вопрос пока выносится за скобки. Главное, что они (возможности) появились, что само по себе уже есть большой плюс, *который асимметрия двух видов труда способна учесть*. Многовековая трудность экономической оценки благосостояния народов из-за невозможности определения экономической ценности у явлений, мало для этого пригодных по объективным причинам (внешние эффекты, общественные блага, духовно-культурная деятельность), но тем не менее входящих в состав качества жизни, в значительной мере преодолевается учетом данной асимметрии двух видов труда и времени (рабочего и свободного).

Уровень эффективности, которого общество достигает при удовлетворении своих базовых потребностей, освобождает его для всей остальной возможной деятельности, не обязательно экономической. Эта пропорция имеет самостоятельное значение. Из двух людей перспектива реализовать свой потенциал выше у того, у кого меньше «шлага» рутинных, но необходимых дел.

Так как время необходимости отнимает время у свободы и наоборот, из двух одинаковых валовых доходов общества преимуществом в свободном времени будет обладать то из них, у которого меньше затрат уходит на удовлетворение потребности в безопасности, пище и жилье. Секунда, взятая у необходимости, не растворяется бесследно в пространстве. Она переходит в противоположный лагерь, расширяя возможности личности и общества. Монотонная необходимость слабеет, потому что растет разнообразие общественных возможностей. Каждая очередная пропорция, разделяющая общественный продукт на две части, имеет свою значимость. Чем больше «перекос», тем выше двойное преимущество какой-то стороны. Например, чем выше асимметричность общественного излишка, тем больше общественного

выбора (разнообразия) и свободного времени (даже если это преимущество не приобретает форму «предельной полезности»). Наоборот, если по каким-либо причинам растет «база» материальных потребностей, это усиление тоже будет «двойным» за счет сопредельной территории.

На уровне микроэкономики нелинейный рост дополнительных преимуществ, как «подарок» асимметрии эффективности, из-за конкуренции, перелива капитала и «вечной тенденции средней нормы прибыли к понижению» не успевает «набрать обороты». На макроуровне все по-другому. Дополнительные преимущества асимметрии над относительно неизменным минимумом жизненных средств никуда не исчезают. Они постоянно накапливаются и увеличивают асимметрию, однажды реализуясь в виде мультипликационного эффекта роста разнообразия общественного труда.

По большому счету, прирост национального дохода осуществляется за счет новой предельной полезности (или потребительной стоимости). Рост производительности труда в долгосрочном периоде «нацелен» именно на это – на переход количественных изменений в качественные. «Количественный» успех в эффективности производства конкретного товара (услуги) нужен для того, чтобы в будущем появилось экономическое благо совершенно нового качества. Обмен равнокачественных товаров не имеет смысла.

Стало быть, не только о потенциале свободного общественного времени говорит степень экономической асимметрии. Другой важный момент – рост *разнообразия* общественной деятельности, или, что то же – рост качества жизни. Эти два аспекта (свободное время и общественный выбор) – как обратная сторона луны – невидимы и неуловимы для традиционных экономических оценок, построенных на методологии теории предельной полезности. Тем не менее они являются неотъемлемой частью благосостояния наций. Очевидна также асимметричная динамика их изменений как следствие асимметричной природы взаимодействия рабочего и свободного времени, что вполне поддается математическому выражению.

В конце концов, двойное преимущество в эффективности должно быть как-то

выражено. Оно потому и двойное, что помимо явного и поддающегося оценке преимущества в виде показателей рентабельности имеет имплицитное (неявное) «второе дно» в виде свободного времени и возможности внести вклад в разнообразие общественной жизни.

Наконец, в самом экономическом общественном излишке можно выделить деятельность, которой общество по каким-то основаниям (этическим, моральным, религиозным) придает высшую значимость. Тогда удельный вес этой деятельности обозначает зону второй асимметрии, ибо она, так же как и первая, может убывать или прибывать только за счет соседа – у общества, в котором следование этическим принципам занимает много времени, остается мало времени на все остальное. Каждая секунда, отнятая у одного лагеря, повторимся, не остается нейтральной, она переходит в соседний, ослабляя, допустим, этическую деятельность и одновременно усиливая обыденность. Короче говоря, наличие подобной «благородной» деятельности является другим основанием для новой корректировки экономического излишка общества.

Исходя из всего сказанного под *экономической оценкой качества жизни автором понимается стоимостное выражение экономического излишка общества как фактора его саморазвития и самосовершенствования на основе асимметрии законов эффективности и жизни.*

Алгоритм решения проблемы

Поскольку должного (с точки зрения фундаментального анализа) учета времени различных видов деятельности не существует, остается воспользоваться тем, что лежит на поверхности. Точность оценки, конечно, пострадает, но не ее принцип. Из статистики по структуре национального продукта и расходной части государственного бюджета необходимо извлечь данные по стоимости удовлетворения базовых и культурных потребностей. Удельный вес первых в ВВП создает один центр асимметрии, вторых – другой. Общий алгоритм экономической оценки качества жизни будет выглядеть следующим образом.

1. Определяется экономический общественный излишек (как разница между валовым продуктом и необходимым в виде суммы бюджетов прожиточного минимума (БПМ), учитывающего расходы на внутреннюю и внешнюю безопасность) – это первое слагаемое.

2. Определяется отношение необходимого продукта и экономического излишка общества.

3. Экономический общественный излишек умножается на логарифм своей асимметричности «низшего порядка», т. е. на значение предыдущего пункта – это второе слагаемое, учитывающее разнообразие общественного выбора и фонд свободного времени. Также это слагаемое можно трактовать как денежное выражение преимуществ от асимметрии экономической эффективности относительно некоего «крайнего государства», в котором среднедушевой доход совпадает с БМП. Или как выражение закона возрастающей предельной производительности на практике.

4. Определяется удельный вес культурной деятельности (культура, искусство, спорт, высшее образование и т. д.) в экономическом общественном излишке.

5. Экономический общественный излишек умножается на асимметричность «высшего» порядка, т. е. на значение предыдущего пункта – это третье слагаемое, демонстрирующее приверженность общества идеальным ценностям.

Таким образом, категория «экономического излишка» общества лежит в основе предлагаемой оценки его благосостояния. Капитальная форма существования этого излишка позволяет «одним выстрелом убить двух зайцев» – в стоимостной форме выразить два фундаментальных аспекта качества жизни любой нации – ее здоровье и производительность труда.

Как известно, предельная производительность фактора производства лежит в основе его цены. Скорректировав цену фактора на время его воспроизводства с помощью коэффициента капитализации, получим капитальную оценку. Экономическая оценка капитала есть результат взаимодействия двух его сущностных характеристик – производительности и надежности (долго-

вечности). Чем больше производительность (доходность), тем выше цена капитала. С другой стороны, чем существеннее фактор риска (обратная сторона надежности) применения капитального актива, тем меньше капитальная ценность.

Начиная с физиократов и вплоть до XX века история экономической мысли демонстрировала борьбу между двумя подходами к определению капитала с точки зрения приоритета какой-то одной характеристики. Один подход – так называемый «французский» (от французских физиократов) – ратовал за надежность и долговечность, другой – «английский» (от английских классиков политэкономии) – за производительность. Называют еще «австрийский» подход (Менгер, Визер), не получивший серьезной поддержки в научном сообществе из-за уничижительной критики А. Маршалла. В конце концов спор разрешился объединением позиций. «Числитель доходности» и «знаменатель долговечности» экономической оценки капитала примирил оба лагеря, как в свое время «ножницы Маршалла» стали «органическим синтезом» трудовой теории стоимости и теории предельной полезности (Маршалл, 1993).

Капитальная экономическая оценка человеческого капитала позволяет дополнить приведенную схему решения проблемы учетом такого важного элемента благосостояния, как продолжительность жизни. Напрашивается аналогия с рентным подходом в эколого-экономической оценке природных благ и ресурсов, которая напрямую зависит от времени их воспроизводства. Чистый среднедушевой доход (т. е. освобожденный от стоимости бюджета прожиточного минимума), соотношенный с капитализатором как величиной обратного времени воспроизводства человеческого капитала ($1/T$, где T – продолжительность жизни), и формально, и по сути представляет собой экономическую оценку человеческого капитала, традиционно учитывающую как его надежность, так и производительность:

$$Kч = (Д-Б) / q \cdot Q, \quad (1)$$

где $Kч$ – человеческий капитал страны, ден. ед.,

Д – среднегодовой доход на душу населения, ден. ед.,

Б – бюджет прожиточного минимума (среднегодовой), ден. ед.,

q – коэффициент капитализации, обратный времени воспроизводства человеческого капитала, лет;

Q – количество населения, чел.

Умноженный на количество жителей страны такой чистый среднедушевой доход можно интерпретировать в качестве экономического излишка общества, который с учетом двойной асимметричной корректировки, по нашему мнению, будет давать искомую оценку качества жизни. Следует отметить, что в представленном алгоритме предполагается по возможности учитывать весь спектр деятельности человека, лишенной меркантильного интереса текущего потребления и подпадающей экономической оценке.

Пример. В начале анализируемого периода среднедушевой доход составлял 700 ед., в конце – 1000 ед. Бюджет прожиточного минимума 200 ед., продолжительность жизни в начале анализа – 70 лет, в конце – 80 лет (соответственно капитализатор в конце 0,0125 (1/80), в начале 0,0143 (1/70)). Инвестиции в будущее развитие (расходы на образование, здравоохранение, культуру, спорт, экологию и т. п.) из расчета на одного человека в начале периода – 150 ден. ед., в конце Б – 250 ден. ед. Требуется определить изменение в экономической оценке качества жизни в начале и конце периода.

Решение. 1. Определяется капитальная оценка экономического излишка общества в начале и конце периода (первое слагаемое): $(700 - 200) / 0,0143 = 35\,000$ – в начале; $(1000 - 200) / 0,0125 = 64\,000$ – в конце.

2. В виде десятичного логарифма выражается асимметричное преимущество экономического излишка над бюджетом прожиточного минимума. Предполагается аналогичное превосходство свободного общественного времени над временем рабочим: $\lg 500/200 = 0,398$ – в начале; $\lg 800/200 = 0,602$ – в конце.

3. Определяется капитальная экономическая оценка фонда свободного общественного времени (второе слагаемое): $35\,000 \cdot 0,398 = 13\,930$ – в начале, $64\,000 \cdot 0,602 = 38\,528$ – в конце. Это слагаемое мож-

но также трактовать как выраженное в денежной форме преимущество в асимметрии свободного и рабочего времени над «крайним» государством, в котором среднедушевой доход и бюджет прожиточного минимума совпадают.

4. Определяется удельный вес инвестиций в будущее развитие в экономическом общественном излишке: $150/500 = 0,3$ – в начале; $250/800 = 0,3125$ – в конце;

5. Определяется капитальная оценка духовно-культурного уровня развития общества (третье слагаемое) $35\,000 \cdot 0,3 = 10\,500$ – в начале; $64\,000 \cdot 0,3125 = 20\,000$ – в конце.

Экономическая оценка качества жизни в начале периода составит 59 430 ден. ед. ($35\,000 + 13\,930 + 10\,500$); в конце 122 528 ед. ($64\,000 + 38\,528 + 20\,000$).

Анализ первого слагаемого показывает, что в результате увеличения среднедушевого дохода и продолжительности жизни качество жизни к концу периода возросло на 29 000 ед. ($64\,000 - 35\,000$); при этом факторный анализ говорит, что 5000 ед., или 17,2% из этой суммы, обеспечено за счет увеличения продолжительности жизни (при старом чистом среднедушевом доходе в 500 ед., но «новой» продолжительности жизни в 80 лет капитальная оценка человеческого капитала составила бы 40 000 ден. ед. = 35 000 ден. ед. + 5000 ден. ед.). Остальные 24 000 ден. ед. (или около 83%) прироста качества обеспечены ростом среднедушевого дохода на 300 ден. ед. к концу периода ($300/0,0125$).

В результате изменения второго слагаемого качество жизни возросло на 24 598 ден. ед. ($38\,528 - 13\,930$). Какое реальное содержание скрывается за этим результатом? В самом общем смысле значение второго слагаемого показывает асимметричное преимущество в свободном времени той или иной нации над «крайним государством», в котором *среднедушевой доход равен БМП*. Именно потому, что «крайнее государство» лишено эффективных технологий, оно лишено возможности экономить на своих издержках и потому, не имея свободного времени, полностью тратит временной ресурс на удовлетворение физиологических нужд. И чем более продвинуты технологии вне «крайнего государства», тем больше возмож-

ностей в экономии рабочего времени (а значит, увеличении свободного) оно упускает по сравнению со всеми другими. Поэтому разница в 24 598 ден. ед. выражает увеличивающийся отрыв в асимметричной экономике рабочего(свободного) времени «прогрессивной» страны от «замыкающей». Поскольку свободное время является необходимым условием разнообразия общественной деятельности, данное слагаемое представляется возможным интерпретировать и в качестве индикатора динамики общественного выбора (свобода не мыслима без выбора, а выбор без разнообразия).

Если снабдить «отсталое государство» эффективной технологией производства, которая имеется в начале периода у нашего более «продвинутого» государства, но *при этом запретить использовать ее для производства товаров сверх прожиточного минимума*, то в чем выразится подобная благотворительность? В экономии рабочего времени. В «обратно пропорциональном» появлении свободного времени. Понятно, что данная асимметрия будет нарастать, если крайнему государству на тех же условиях предложить воспользоваться еще более прогрессивными технологиями конца анализируемого периода. За 70 и 80 лет подобная экономия на основе асимметрии эффективности выразится капитализированными оценками в 13 930 ден. ед. и 38 528 ден. ед. соответственно¹⁵.

Дополнительным аргументом в пользу умножения капитализированного экономического излишка на логарифм асимметричного отношения чистого среднедушевого дохода к БПМ является ранее заявленный неравный ценностно-иерархический статус трех видов потребностей. Среднедушевой доход, освобожденный от удовлетворения базовых потребностей, приобретает новое качество, ибо тратится на предметы сверхнеобходимого минимума, что и подчеркивается наличием второго слагаемого, связанного с конкретным преодолением влас-

¹⁵ Свободное время потому и называется свободным, что может использоваться на самые разнообразные цели. Лишь какая-то часть освободившегося в результате роста производительности труда времени вернется в сферу «предельной полезности» к «экономической ценности». При прочих равных эта часть будет асимметрично нарастать с ростом общественной производительности труда, что и предлагается учитывать посредством логарифмирования асимметрии экономического излишка.

ти необходимости (имеется в виду конкретное значение асимметрии рабочего и свободного времени).

Наконец, за счет осознания обществом значимости инвестиций в социокультурное будущее, что проявилось в увеличении (правда, незначительном) их удельного веса в общественном излишке, качество жизни возросло на 9500 ден. ед. (20 000 – 10 500). «Золотой» статус удовлетворения культурно-духовных потребностей перед «серебряным» статусом социальных удостоверяется простым умножением на их удельный вес в общественном экономическом излишке (логика повторного счета). Тогда как предыдущее «серебрянное» слагаемое умножается на логарифм (причем десятичный), что намеренно принижает результат по сравнению с культурой, но повышает относительно физиологии.

В нашем примере за счет положительной динамики таких важных составляющих качества жизни как среднедушевой доход, здоровье нации, свободное время и выбор, осознанность приоритета этически-культурных ценностей, экономическая оценка благосостояния народа к концу анализируемого периода возросло в 1,94 раза, или на 63 098 ден. ед. (122 528 – 59 430). При этом 29 000 ден. ед. роста, или 46%, обеспечено за счет увеличения экономического достатка (83%) и продолжительности жизни (17%); 24 598 ден. ед., или 39%, за счет свободного времени и роста общественного выбора; 9500 ден. ед., или 15%, – за счет этической деятельности.

Подводя итог сказанному, отметим, что основой новой методологии являются философия Лейбница и неокантианства, а также некоторые положения марксизма и этической экономики (Сен, 1997). Внимательный взгляд на структуру общественного продукта плюс знание законов асимметричности жизни и экономической эффективности дают возможность выразить экономической оценкой важные стороны качества жизни, ранее для этого недоступные. Структура продукта есть следствие структуры потребностей, которая в свою очередь непосредственно зависит от иерархии ценностей. Само понятие иерархии означает неодинаковую значимость ценностей. Сле-

довательно, неоднозначность ценностей и потребностей проявляется в разнокачественной структуре продукта общества.

Вся аргументация статьи направлена на обоснование правомерности двойного умножения капитализированного экономического излишка общества на удельные веса слагаемых стоимости национального дохода, имеющих различную качественно-ценностную природу. Как доходность портфеля финансовых активов зависит напрямую от его структуры, так и качество общественного благосостояния отражается различной «ценностной доходностью» агрегированных элементов структуры общественного продукта. Приведенный алгоритм предлагает способ учета данной трехуровневой (материально-социально-духовной) разнокачественности национального продукта любого общества.

Историческая миссия у каждого общества своя, но имеет общие для всех народов черты. Во-первых, добиться неких максимальных количественных показателей экономического развития. Во-вторых, достигнуть неких максимальных качественных показателей экономического развития. В-третьих, добиться неких предельных показателей духовного развития.

В конце концов, предельно достижимый уровень благосостояния тождествен совершенной жизни. Можно ли говорить о совершенной жизни без этики? Нет, это абсурд. Человек исчезает без нравственной природы (Хамитов, 2002). Чем выше на деле приверженность общества культурным ценностям, тем больше в его «финансовом портфеле» самого доходного актива. «Аксиологический треугольник ценностей» по мере продвижения к последней высшей цели общественного развития из беспорядочного хаоса всевозможных сочетаний сторон будет все больше приобретать «осознанную» правильную форму сначала равнобедренного треугольника, где ценность материального достатка будет равнозначна ценности социального статуса и общения, затем равностороннего треугольника, где материальный достаток и положение в об-

ществе будут считаться справедливым вознаграждением за труд (трудовая этика протестантизма). Наконец, «прямоугольный треугольник» поставит окончательную точку над приоритетом деятельности во благо ближнего над всеми остальными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (REFERENCES)

- Бородин Ф.М., Айвазян С.А.** 2006. *Социальные индикаторы*. Москва: ЮНИТИ-ДАНА. 607 с. [Borodin F.M., Aiyvazyan S.A. 2006. *Social indicators*. Moscow: UNITI-DANA. 607 p. (In Russ.)]
- Вебер М.** 1990. *Протестантская этика и дух капитализма*. Москва: Прогресс. 808 с. [Veber M. 1990. *Protestant ethics and spirit of capitalism*. Moscow: Progress. 808 p. (In Russ.)]
- Виндельбанд В.** 2000. *История новой философии: от Канта до Ницше*. Москва: Терра-Канон-Пресс. 512 с. [Vindel'band V. 2000. *The History of new philosophy: from Kant to Nietzsche*. Moscow: Terra-Kanon-Press. 512 p. (In Russ.)]
- Гартман Н.** 2002. *Этика*. Санкт-Петербург: Владимир Даль. 707 с. [Gartman N. 2002. *Ethic*. Saint-Peterburg: Vladimir Dal'. 707 p. (In Russ.)]
- Злобина Г.Ю.** 2007. *Качество жизни: структурные составляющие и перспективные направления развития*. Москва: Социум. 96 с. [Zlobina G.Yu. 2007. *Quality of life: structural components and perspective directions of development*. Moscow: Sotsiym. 96 p. (In Russ.)]
- Лосев А.Ф.** 1999. *Самое само*. Москва: ЭКСМО-ПРЕСС. 1024 с. [Losev A.F. 1999. *The very essence*. Moscow: EKSMO-PRESS. 1024 p. (In Russ.)]
- Маркс К.** 1970. *Капитал*. В 4 т. Т. 1. Москва: Политическая литература. 680 с. [Marks K. 1970. *Capital*. In 4 vol. Vol. 1. Moscow: Politicheskaya literature. 680 p. (In Russ.)]
- Маршалл А.** 1993. *Принципы экономической науки*. Москва: Прогресс. 594 с. [Marshall A. 1993. *Principal of economics*. Moscow: Progress. 594 p. (In Russ.)]
- Сен А.** 1997. *Об этике и экономике*. Москва: Наука. 162 с. [Sen A. 1997. *About ethics and economics*. Moscow: Nauka. 162 p. (In Russ.)]
- Хамитов Н.В.** 2002. *Философия человека: от метафизики к метаантропологии*. Киев: Ника-Центр. 335 с. [Khamitov N.V. 2002. *Philosophy of man: from metaphysics to meta-anthropology*. Kiev: Nika-Tsentr. 335 p. (In Russ.)]
- Pearce D.** 1993. *Measuring sustainable development*. London: Earthscan Publication Ltd.

In citation: *Belorusskiy Ekonomicheskiy zhurnal*. 2018. No 4. PP. 35–53.

Belarusian Economic Journal. 2018. No 4. PP. 35–53.

PROBLEM OF QUALITY OF LIFE ECONOMIC ASSESSMENT: SPECIFICS OF NEW METHODOLOGY

Dmitry Neverov¹

Author affiliation: ¹ Belarus State Economic University (Minsk, Belarus).

Corresponding author: Dmitry Neverov (neverov122008@tut.by).

ABSTRACT. There was suggested a concept of solving a problem of quality of life economic assessment. Special attention is paid to the categories «efficiency asymmetry», «life diversity», «public economic surplus», and «required product of society». Substantiated is efficiency's asymmetric nature. There are considered components of the public well-being formula, the major one being that of the public economic surplus adjusted by the quotient of asymmetry of free and working time and an index of diversity of required and added products of society.

KEYWORDS: quality of life, public well-being, asymmetry of life, usefulness, value, efficiency, price theory, public surplus.

JEL-code: A12, B41, P71, Z12.

Received 10.05.2018

